

его разновидности, придется встать по ту сторону означаемого, субъекта и знака, равно как и по ту сторону грамматической организации дискурса, с тем чтобы достигнуть той зоны, где сосредоточиваются ростки того, что станет значением в наличном состоянии языка» (Kristeva, 1969: 9).

Таким образом, при компонентном анализе значения высказываний необходимо учитывать интертекстуальный и коммуникативный аспекты художественного текста, играющие важную роль в формировании семантико-смысловой структуры произведения, при этом интертекст рассматривается нами как виртуальная текстовая реальность, восстановленной через актуализируемый контекст, языковые структуры которого воплощают поверхностный уровень семантической организации текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
2. Суханова И.А. Интертекстуальные связи в романе Б.Л.Пастернака «Доктор Живаго». - Ярославль, 1998.
3. Kristeva J. Narration et transformation// Semiotica. -The Hague, № 4, 1969.

ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В ГЕНЕЗИСЕ КУЛЬТУРЫ

Н.Н.Семеновко
Старый Оскол

Современная лингвистика ознаменована расширением связей с различными областями гуманитарного знания, в том числе с культурологическим аспектом освещения лингвистического материала. Это связано не только с развитием языковедения, но и с успехами в разработке культурологической науки. Культурология сегодня - это уже далеко не «кладовая» разнородных сведений, а вполне сформировавшаяся наука, опирающаяся на общие методологические принципы гуманитарных наук - историзм и функциональность, системность и структурность, связь с творческой средой общества.

Стремясь проникнуть в живой механизм культурной эволюции, осмыслить формы и механизм трансляции культурных навыков и достижений от одного поколения к другому и от одной личности к другим, культурология неизбежно приходит к осмыслению ведущей роли в этом механизме информационных знаковых систем и прежде всего языка.

В основе культуры лежит деятельность человека по освоению и созидательному развитию видимого мира. Естественно, что результаты познавательной деятельности человека закрепляются в человеческом языке в гораздо большей степени, чем в других информационных системах и средствах фиксации и передачи творческого опыта - в языке искусств, технике, обычаях и т.п.

Одной из философских проблем остается вопрос о том, какой вид деятельности лежит у истоков культурного развития. П.С.Гуревич выделяет три основных вида деятельности, которые в ходе развития мировой философской мысли назывались в числе первопричин возникновения культуры: труд, игру и символическую деятельность (Гуревич, 1994: 102).

Все три вида деятельности сыграли важнейшую роль в формировании культуры. Но качественный уровень деятельности, приведшей к культурному «взрыву», был обеспечен благодаря появлению некоего первоэлемента, ставшего «визитной карточкой» человека, давшей ему существенное преимущество над другими биологическими видами. Этот первоэлемент - язык. Уникальность данного элемента заключается в том, что он «в одно и то же время - условие развития и продукт человеческой культуры» (Русский язык..., 1998: 652). Потому и сложно утверждать, что в основании культурогенеза лежит именно речевая деятельность человека - мешает логический парадокс, не позволяющий определить, что первично, а что вторично - язык или культура. Несомненно одно - являясь неперменным условием развития культуры, язык сыграл определяющую роль в культурогенезе, заложив в культуру принципы и законы истинно «человеческие» в противовес природным.

Стремительное развитие человеческой культуры во многом обеспечено заложенным в ней стремлением к познанию. Познание жизни, а не только приспособление к ней - вот основа разграничения сознательного и инстинктивного в человеке.

Роль языка в процессе познания как в творческом акте следует рассматривать с учетом всех его функций, а не только в связи с основной - коммуникативной. Язык - это еще и средство описания, форма существования элементов культуры, некая внешняя оболочка, сохраняющая "ценный экспонат". При этом слово выступает в роли звукового символа, реализуя номинативную функцию языка. Данная функция важна еще и потому, что без нее не было бы самого понятия, которое легло в основу представлений человека о мире. Вопрос о том, существует ли мышление вне языка, по сей день остается открытым, но одно очевидно: не дав явлению имени, человек не может достаточно четко соотнести его с другими явлениями, и, соответственно, получить о нем детального представления.

Имя вещи шире, чем сама вещь, оно вводит названное явление в иной мир. В некотором смысле мир имен, благодаря символической сущности имени, даже шире мира вещей, если, конечно, ограничить рамки «мира вещей» предметами, попавшими в поле номинации и творческой деятельности человека. А.Белый в своем труде «Символизм как миропонимание» писал об имени следующее: «Оно есть понятное для меня соединение двух непонятных сущностей: доступного моему зрению пространства и глухо звучащего во мне «внутреннего чувства...» (Белый, 1994: 131). Но, будучи создано, имя не застывает в одной форме - «...ушедшее в глубину бессознательного семя-слово, раз-

бухая, прорывает сухую оболочку (понятие), прорастая новым ростком; это оживление слова указывает на новый органический период культуры («там же: 133).

Подобным толкованием А.Белый утверждает живую сущность слова, которое способно вновь и вновь возрождаться, «прорастая» на новой культурной почве, в процессе творческого акта номинации, производимого человеком.

Аналогичная мысль прослеживается в работе А.Ф.Лосева «Философия имени», где автор определяет слово прежде всего как «имя вещи», утверждая, что «имя вещи - орудие общения ее со всем окружающим» (Лосев, 1993: 813). Таким образом, когда человек дает вещи имя, он как бы дает ей новую жизнь - не в мире вещей, а в мире имен, мире человеческого языка. И вот по этой самостоятельной жизни имя ведет уже не номинативная функция языка, а ее логическое продолжение- символическая функция, предусматривающая возможность развития семантической вариантности в рамках одной звуковой формы.

Анализируя структуру имени, А.Ф.Лосев выделяет в нем множество семантических слоев, в том числе «чистую ноэму», отражающую сиюминутную жизнь слова, и «ноэму в ее символической функции», дающую «подлинное понимание через это слово некоего предмета (Лосев, 1993: 639). Это полное понимание возможно лишь с учетом культурно-исторического «багажа» слова. Семантическая гибкость имени, обеспечивающая ему успешное функционирование, позволяет ему включаться в ассоциативные связи. И чем шире круг культурных ориентиров, связанных исторически с этим именем, тем разнообразнее ассоциативное его восприятие. Именно символическая функция слова делает его важнейшим орудием культурного творчества. Слово-символ есть слепок существующей культуры, и оно способно мимикрировать со сменой культурных эпох. На языковом символе «со стажем» отражается множество культурных слоев. Языковой символ становится тем орудием, которое преобразует мир в соответствии со взглядами человека. Не случайно Ф.Ницше говорил: "Значение языка для развития культуры состоит в том, что в нем человек установил особый мир наряду с прежним миром, - место, которое он считал столь прочным, что, стоя на нем, переворачивал остальной мир и овладевал им. Поскольку человек в течение долгих лет верил в понятия и имена вещей, как в *acternae veritates*, он приобрел ту гордость, которая возвысила его над животным: ему казалось, что в языке он действительно владеет познанием мира" (Ницше, 1997: 27).

Познание мира как основной свой вид деятельности в процессе исторического развития культура осуществляла в различных своих сферах: научно-философской, религиозной, сфере искусства, - в каждой из этих сфер язык сыграл свою роль. Множественность предназначений языка заставляет учитывать все многообразие его функций. Реализуя номинативную, экспрессивную и апелляционную функции, язык «выступает как символ по отношению к обозначаемой им внеязыковой действительности, как симптом по отношению к

говорящему, как сигнал по отношению к адресату речи (Русский язык. Энциклопедия, 1998: 610).

Особую роль в генезисе культуры язык сыграл еще в эпоху формирования пракультур, когда основной формой существования культуры был магический ритуал, а слово - одним из основных орудий в этом действе: «Стремясь назвать все, что входит в поле моего зрения, я, в сущности защищаюсь от враждебного, мне не понятного мира, напирającego на меня со всех сторон... процесс наименования пространственных и временных явлений словами есть процесс заклинания; всякое слово есть процесс заклинания; всякое слово есть заговор; заговаривая явление, я, в сущности, покоряю его; и потому-то связь слов, формы грамматические и изобразительные, в сущности, заговоры...» (Белый, 1994: 320). Именно с этого магического «заговаривания» окружающего мира и началось его культурное освоение человеком как процесс осознанный, а не инстинктивный. Магическая функция языка, выделяемая Р.О.Якобсоном, реализуется как при помощи определенных приемов (заклинания, клятвы, заговоры и т.п.), так и при помощи ритмически организованных, но часто утративших рациональный смысл фраз-глоссалий. Магическая функция имени, как и символическая, сыграла немалую роль в культуругенезе. «Построение образов культуры...- расширение личности за пределы жизни» (Белый, 1994: 151) происходило в непрерывной борьбе человека с природой, и магическая опора в виде слова укрепила решимость человека в этой борьбе.

Логическая функция языка как орудия выражения мысли способствовала развитию основных категорий мышления. Именно тесная связь языка и мышления указывает на место языка как важнейшего элемента в системе познания. П.С.Гуревич пишет: "Культурные антропологии полагают, что основные категории мышления неосознанны, они передаются в основном посредством языка ... Морфология любого языка всегда решает вопросы метафизики и значений. Язык не просто средство общения и выражения эмоций. Любой язык помогает упорядочить накопленный опыт" (Гуревич, 1994: 58). В языке же философ видит причину культурного и ментального разнообразия у разных народов: «Единый континуум опыта может быть разделен по-разному. Мы привыкли думать, что различия, которые индоевропейские языки (или наш собственный язык) побуждают нас проводить, порождаются миром природы. На самом деле сравнительная лингвистика наглядно показывает, что любой речевой акт требует от говорящего определенного выбора» (там же: 59). Действительно, язык избирателен, в нем четко отражаются ментальные особенности нации, лингвистические привычки, приобретенные в ходе культурного развития, передаются из поколения в поколение, формируя облик культуры. Языковые различия неминуемо вызывают различия в познавательных процессах, порождая разнообразные формы культуры. По сути дела, количество языков соотносимо с количеством образов реального мира.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в основе «локально-исторических типов» культуры лежат языковые различия. Н. Я. Данилевский утверждал, что всякий народ или общность народов, объединенная отдельным языком, представляет собой «самобытный культурно-исторический тип» (Данилевский, 1991: 91). В результате проявляется еще одна специфическая функция языка, обеспечивающая единство культурно-исторического типа и характеризующая ментальную нацеленность сознания того или иного народа во внешний мир, формирующая самосознание народа.

Таким образом, язык, являясь фундаментальным элементом культурогенеза, стоит у истоков человеческой культуры. Тесная связь языка и культуры обусловлена еще и тем, что они развиваются в одном русле, по сходным законам, являясь одновременно как продуктом, так и неперенным условием развития друг друга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белый А. Символизм как миропонимание. -М.: Республика, 1994.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. -М.: Мысль, 1991.
3. Гуревич П.С. Философия культуры. -М.: АО Аспект Пресс.
4. Лосев А.Ф. Бытие - имя -космос. -М.: Мысль, 1993.
5. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. -М.: ЭКСМО-Пресс, 1997.
6. Русский язык. Энциклопедия. -2-е изд. -М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

ОСОБЕННОСТИ ПРОПОЗИТИВНОЙ НОМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ПОСТРОЕНИЙ С АБСОЛЮТНОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ

О.В.Серкина
Белгород

Язык, как известно, существует в виде структуры в сознании языкового коллектива и в виде языковой компетенции отдельных членов этого коллектива. «Границы моего языка суть границы моего мира», - писал Л.Витгенштейн. Действительно, уровень языковой компетенции индивида определяется «объемом и качеством освоенных личностью текстов из накопленных обществом духовных богатств» (Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998: 9). Однако современная лингвистика не признает язык как «детерминант мировоззрения», картины действительности.

В процессе жизни человек конструирует собственные концептуальные системы, в основном используя для этого средства естественного языка, который не представляет собой определенной концептуальной системы, но «является средством их построения и символического представления» (Павиленис, 1983: 263). Особенности субъективных картин мира в виде субъек-